

АЛЬТЕРНАТИВЫ **ALTERNATIVES**

ЧИТАЙТЕ В НОМЕРЕ:

Команданте *МАРКОС* Четвертая мировая война
уже началась

А.КОЛГАНОВ "Честная книга", полная лжи
(О книгах В.Резуна)

Революционное лето 1968: тридцать лет спустя

А ТАКЖЕ:

Граждане России: кем они себя ощущают
и в каком обществе хотели бы жить?
(Материалы аналитического обзора)

4

1998

11 22
6173

СОДЕРЖАНИЕ

I. ТЕОРИЯ СОЦИАЛИЗМА:

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ – НОВОЕ КАЧЕСТВО МИРА
НА ПОРОГЕ XXI ВЕКА

Маркос Четвертая мировая война началась.....	3
Бенсаид Д. Разбитое зеркало неолиберализма.....	17

II. СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ И РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ

1968 год во Франции	25
Д.Котц США: 30 лет массовому антивоенному движению.....	33
Максимов Б. Письма с Кировского завода.....	38

III. АНАЛИЗ И ОБЗОРЫ

Граждане России: кем они себя ощущают и в каком обществе хотели бы жить? (Сокращенная версия аналитического доклада).....	52
Александрова-Рубинчик М. "Манифест Коммунистической партии": следующие 150 лет.....	102

IV. УРОКИ ИСТОРИИ

Колганов А. "Честная книга", полная лжи?.....	118
Адамовский Э. Н. Ф. Даниельсон в истории русской политической мысли: был ли Плеханов "отцом русского марксизма"?.....	143
Альтернатива сталинизму: историко-социологическая концепция (Памяти В.З.Роговина)	158

V. ПОРТРЕТЫ

Завалько Г. Мировой капитализм глазами И.Валлерстайна.....	166
--	-----

VI. ЭССЕ

Арсланов В. Приглашение к диалогу: какая Россия говорит нашими устами?.....	183
---	-----

VII. ИНФОРМАЦИЯ.....

189

111 9 42

**Н.Ф.ДАНИЕЛЬСОН В ИСТОРИИ
РУССКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ:
БЫЛ ЛИ ПЛЕХАНОВ "ОТЦОМ РУССКОГО МАРКСИЗМА"**

Эзекиль Адамовский

Если бы кто-то спросил в России между 1870 и 1880, кто был в ней самым значительным из учеников Маркса, ему бы ответили единодушно: Николай Францевич Даниельсон. Активный участник революционных кружков с ранней юности и переводчик «Капитала» на русский язык, Даниельсон имел бесспорную репутацию марксиста в социалистических кругах еще и потому, что в течение почти тридцати лет вел активную переписку как с Марксом, так и с Энгельсом.

В 1880 году он написал статью, которую Маркс оценил как «оригинальную, в лучшем смысле этого слова» (Маркс Даниельсону, 19/2/1881, МЭРР; 437); переработанную впоследствии в монографию, вокруг которой в России разгорелась острая дискуссия. Струве, Плеханов и Ленин посвятили ему обширные и полемические статьи, в которых называли его народником. В 1899 его книгу перевели на немецкий, а в 1902 на французский, и, в своей работе «Накопление капитала» (1912) Роза Люксембург посвятила ей отдельную главу.

Позднее о Даниельсоне забыли. Одни историки его вообще не упоминают (Haimson 1955; Treadgold 1955; Baron (1963); Belfer 1978; Naimark 1983); другие называют в качестве переводчика Маркса и «народника» (Venturi (1952); Keep 1963; Berlin (1978); Offord 1986). Наиболее важные исследования по истории социализма дают о нем весьма поверхностное (Cole 1959: 381-384) или просто ошибочное (Droz (1974): 417) представление. Т.Шанин считает его «представителем наиболее правого крыла народничества» (Shanin (1983): 21), а советские энциклопедии называют его «либеральным народником». А.Гершенкрон вообще считал, что «Николай Даниельсон» это псевдоним Н.К.Михайловского (Gershenkron (1962): 184-186). Такая путаница не случайна: она отражает отсутствие каких-либо исследований о жизни и творчестве нашего автора. Опубликование в 1985 году первой биографии Даниельсона высветило малоизвестные стороны его жизни, в первую очередь, его отношения с Марксом и Энгельсом и его дружбу с Лопатиным. И все же эта работа (автор Ц.И.Грин) почти не анализирует идеи Даниельсона и тоже квалифицирует их как «либерально-народнические», а, следовательно, считает его жертвой «противоречия» и «заблуждения», которые заклю-

чались в том, что он хотел «совместить идеологию пролетарского социализма с идеологией народничества, крестьянского социализма». «Трагедия» Даниельсона состояла в том, что когда в России углубилось революционное движение, он не мог пойти дальше «радикальной демократии», ибо «не сумел понять подлинной сущности марксизма».

В настоящей статье мы попытаемся переоценить труды Даниельсона и дать иную интерпретацию его идей в контексте идеологических битв последней четверти 19 века в России.

Книга

Главной посылкой Даниельсона является то, что капитализм в России выполняет чисто разрушительную функцию.

Производя отделение сельского хозяйства от обрабатывающей промышленности, переводя последнюю от крестьянского очага на фабрику, капитализм не способен в то же время занять огромное количество рабочих рук, которые остаются лишними. Эта ситуация не только ввергает большую часть населения в крайнюю бедность, но и лишает сам капитализм внутреннего рынка, необходимого для сбыта товаров. Тенденция к усовершенствованию техники и соответственно увеличению производительности, в перспективе еще более ухудшают ситуацию. И если эти факторы присутствуют во всех капиталистических странах, то Россия находится в самом неблагоприятном положении, так как поздно пойдя по пути индустриализации, она не имела возможностей решить проблемы реализации капитала, распространяя свои товары через международную торговлю.

Но еще важнее аргументы, с помощью которых Даниельсон обосновывает свою позицию.

Капитализм, перепроизводство и кризис

Пессимизм Даниельсона основан на особой интерпретации «Капитала»: создание прибавочной стоимости и ее реализация не тождественны. Развитие капитализма далеко опережает потребность в рабочих и «по мере развития техники, а, следовательно, и производительности труда относительное число потребных рабочих уменьшается» (Даниельсон 1893, с. 173).

«Мы теперь понимаем, что при росте капиталистического производства... доля, приходящаяся рабочему классу из всего вновь произведенного продукта должна по необходимости уменьшаться. Но вместе с этим мы видим, что капитализм сам в себе содержит элемент,

подтачивающий его рост, что, уменьшая долю рабочего, он сокращает свой собственный внутренний рынок.» (Даниельсон 1893, с.178).

Аналогичным образом тенденция к удешевлению товаров ведет к разорению мелких производителей и в особенности крестьян: капиталистический порядок не знает иной формы потребления, кроме покупки товара. Но чтобы иметь средства для покупки товаров, крестьянин должен отчуждать все большую часть собственной продукции.

Конечно, Даниельсону известно, что сами буржуа потребляют собственные продукты и инвестируют капитал, чтобы расширить производство. Но продукты этого нового производства могут быть употреблены только кучкой предпринимателей.

Поэтому «капиталистический способ производства требует прежде всего внешних рынков; это главное условие его существования. Если нет внешних рынков, приходит кризис» (Даниельсон 1893, с.202).

Вся аргументация Даниельсона и все концепции, которые он использует, прямо восходят к Марксу: автор более 60 раз цитирует разные произведения Маркса и Энгельса.

Струве утверждал, что это «марксистское тело с утопическим лицом». (en Pipes 1970: 91). В свою очередь, Ленин, который посвятил почти 500 страниц в «Развитии капитализма в России» дискуссии с Даниельсоном и Воронцовым, прямо ставит под сомнение используемую ими теоретическую схему. Основная цель критики связана с теорией реализации Маркса. Возражая Даниельсону, который считал, что капитализм нуждается во внешних рынках, Ленин утверждает, что рост внутреннего рынка при капитализме в значительной мере «независим» от роста личного потребления, ибо происходит под влиянием растущего спроса, порождаемого самим производством.

Мы не собираемся включаться в дискуссию о динамике развития капитализма, кризисах и Марксовой концепции воспроизводства. Для нас важно лишь ответить на вопрос о том, насколько марксистскими были взгляды Даниельсона на все эти проблемы.

Идея о том, что неизбежный кризис капитализма порождается проблемами реализации капитала в условиях обнищания населения немедленно заставляет нас вспомнить работы Розы Люксембург. Соблазн увидеть параллель между Даниельсоном и Розой Люксембург был бы очень велик, если бы она сама не посвятила в «Накоплении капитала» целую главу взглядам Даниельсона, которые в конечном счете отвергла. В этой главе Роза Люксембург подчеркивает, что не собирается обсуждать взгляды Даниельсона на судьбу капитализма в России - её интересует лишь общая теория

развития капиталистического производства. Однако, если не считать ссылок на Сисмонди, Роза Люксембург поступает строго вопреки собственному заявлению. К удивлению читателя, вся глава состоит в разоблачении «мелкобуржуазных» и «утопических» воззрений Даниельсона на русскую крестьянскую общину. Об общей теории капитализма - ни слова. И парадоксальным образом в других главах книги Люксембург встречаются мысли поразительно похожие на те, что высказывал Даниельсон, хотя сама немецкая революционерка этого не признает.

По крайней мере, так должно было показаться Ленину, потому что в 1912 году в его нападки на книгу Люксембург он радовался тому, что «австро-марксисты» отвергли её взгляды, используя те же аргументы, которые в 1899 году использовали против народников (см Rosdolsky 1978: 527). Странное совпадение большевизма и «австро-марксизма»!

Это совпадение невозможно понять, если не вспомнить, что Ленин в полемике против народников пользовался полной поддержкой таких авторов, как Сергей Булгаков и Туган-Барановский. Таким образом кризисы объясняются не трудностями реализации капитала, а отсутствием планомерности в капиталистическом хозяйстве, а абстрактные ссылки на Марксову теорию воспроизводства становятся аргументом против «пессимизма» народников (Rosdolsky 1978: 519-520). В свою очередь австро-марксисты ссылались на те же идеи Маркса, чтобы доказать неограниченную жизнеспособность капитализма.

Какова же в таком случае «правильная» интерпретация Маркса, тем более, что никто не собирался признавать чужие взгляды «подлинно марксистскими»?

Обращаясь снова к выдающейся работе Росдольского, можно утверждать, что Маркс отвергал сомнения Сисмонди относительно возможностей реализации капитала, считая, что капиталистическое производство само для себя создает рынок, тем самым разрешая проблему реализации прибавочной стоимости. Но разрешая это противоречие в принципе, капитализм не устраняет его полностью, проблема реализации возвращается в гораздо большем масштабе по мере того, как расширяется внутренний и внешний рынок.

Обосновывая свои выводы, Росдольский показывает, что в действительности знаменитые схемы Маркса являются абстракциями, причем речь идет лишь о гипотетических вариантах. Отсюда вовсе не следует, будто Маркс совершил ошибку (Rosdolsky 1978: 552). Чего не говорит Росдольский, так это того что Даниельсон о различии между общей схемой и конкретным случаем написал уже в 1893 году (Danielson [1893]: 440-441).

Важность этой «современной» интерпретации может быть оценена во всем своем значении, если мы считаем, что немецкие марксисты угадали только само существование схем второго тома «Капитала» в начале века, и не прямо, а через дискуссии с русскими (Rosdolsky 1978: 506).

Международная торговля, отсталая и крестьянская экономика

Но не это является самым главным новшеством, который предлагает текст Даниельсона. На самом деле, в его книге мы находим целый ряд примечательных аргументов, касающихся специфики капиталистического развития в отсталых странах. Наш автор описывает отношения между нациями, отходя от концепций международной торговли классической экономики следующим образом. Если капиталистический предприниматель вводит новую технику, которая увеличивает производительность труда, он может получить прибыль только на время, но вскоре другие предприниматели его догонят:

«Другое дело в международной торговле. Разные соперничающие нации стоят на разных степенях культуры.

Увеличение производительности труда встречает препятствие и в сравнительно небольшом рынке сбыта, делающим невыгодным введение дорогих машин, которые вырабатывают продукт, рассчитанный на широкий круг потребителей, широкий рыночно обширный рынок, и в малой подготовленности самих рабочих к работе при машине» (Даниельсон 1893, с.276). Все это факторы мешающие росту производительности труда в менее культурных странах.

Эта ситуация, в свою очередь, порождает особый тип отношений между более и менее развитыми нациями: «предприниматели более культурной страны, с более высокую производительностью труда, имеют возможность на всемирном рынке пользоваться своим исключительным положением и продавать продукт выше его индивидуальной стоимости. Другими слова ми, они получают возможность приобретать добавочную стоимость без всякого эквивалента, совершенно подобно тому, как каждый предприниматель получает часть продукта труда своих рабочих» (Даниельсон 1893, с.277). В результате менее развитая страна «оказывается нацией, которую эксплуатирует капиталистическая нация» (Даниельсон 1893, с.278).

Развернутое Даниельсоном сравнение между отношениями наций на мировом рынке и отношениями эксплуатации рабочих капиталистами, весьма важно для проблематики международной торговли. Важность этой концепции тем очевиднее, что Дж.Гобсон, известный как первый

автор классической теории империализма, издал свой труд почти через десять лет после Даниельсона.

Отталкиваясь от такой трактовки империализма, Даниельсон рассматривает последствия позднего вхождения России в мировой рынок. После Крымской войны две формы экономики вступили в борьбу друг с другом: общинная и капиталистическая. Вторая боролась против первой посредством системы кредитов, строительства железных дорог и международной торговли. Обращаясь к статистике, Даниельсон показывает, что экономическая динамика банковской, торговой и транспортной систем зависит от циклов сельскохозяйственного производства и урожайности. Это очевидная аномалия по сравнению с экономическими циклами в Западной Европе и США. На Западе сначала сложилось товарное хозяйство, а затем уже были изобретены железные дороги, чтобы перевозить товары, и созданы банки, чтобы получить необходимый капитал на следующей стадии производства. Там банки и железные дороги явились порождением рынка, их развитие было требованием производства и они, в свою очередь, стимулировали развитие производства (Даниельсон 1893, с.31). Совершенно иным был процесс в России: здесь сельскохозяйственное производство, на котором держится вся экономика, оставалось как бы законсервированным, производительность труда даже понижалась; другими словами, в отличие от того, что происходит в Западной Европе, мы можем сказать, что развитие железных дорог и банков в России не было вызвано массовым ростом производства. Наоборот, превратившись в членов экономической семьи Европы - младших членов - чтобы поддерживать тень экономической независимости, потратили все силы не на развитие самой промышленности, а на развитие результатов капиталистического производства: банков и железных дорог. Появление системы железных дорог связано с тем, что капитализм ещё не проник вглубь общественного организма, но высшие слои стремятся как можно быстрее развить капиталистическую инфраструктуру в масштабах, совершенно несоответствующих реальным потребностям общества, заставляя производство следовать по капиталистическому пути. В подобной ситуации строительство железных дорог лишь ускоряет распад социальных и политических структур и в то же время интеграции капиталистического сектора. Железные дороги усиливают развитие внешней торговли, однако речь идет главным образом об экспорте сырья, который лишь усугубляет нищету масс.

Поразительно, что это написано в 1880 с такой четкостью. К этому надо добавить, что Даниельсон отмечает региональные различия внутри самой России, то, что позднее в развивающихся странах исследователи назовут «дуализмом»:

«Экономическая активность все больше сводится к эксплуатации сельскохозяйственного населения населением крупных коммерческих городов (.....) В то время как сельское хозяйство остается чуть ли не на уровне каменного века, для того, чтобы отобрать продукцию у производителя используются все достижения науки» (Danielson (1902: 84)_

Вышеприведенные цитаты указывают на отсутствие органической связи между сферами производства и обращения, своего рода «аномалию» по сравнению с тем, что происходит в передовых странах. Такое положение вещей ведет к хронической нестабильности и неопределенности в русской экономике.

Вместе с этими идеями Даниельсон развивает и другие, не менее важные для понимания того, как функционирует крестьянская экономика. Общая ситуация в описании Даниельсона выглядит примерно так же, как и у Ленина, который тоже отмечал упадок сельского хозяйства и рост социальной поляризации, ведущей к разложению деревенской общины, что усиливает тенденцию к приватизации земли. В данном случае и Ленин и Даниельсон не идут дальше общих оценок, характерных для той эпохи. Но далее Даниельсон обращается к фактам, которые нельзя объяснить с помощью общепринятых схем. В частности, из-за дешевых мировых цен на зерно и низкой производительности труда для многих кулаков выгоднее эксплуатировать крестьянина не в качестве земельных собственников, а в качестве скупщиков (МЭРР, с. 665). В итоге развитие внешней торговли не ведет к экспроприации непосредственного производителя. Вместо этого сфера обращения начинает господствовать над производством.

Даниельсон не развивает эту мысль систематически, рассуждения на эту тему разбросаны по его текстам. Изучая статистику, наш автор обнаруживает, что в урожайные годы цены на зерно существенно падают. В те времена это объясняли исключительно эффектом перепроизводства. Напротив, Даниельсон придерживается иного мнения. Если следуют два урожайных года подряд, цены остаются сравнительно высокими. Падение цен в первый урожайный год вызвано не перепроизводством, а тем, что крестьяне торопятся продать урожай, чтобы расплатиться с долгами и совершить отложенные покупки. После того, как это сделано, а хороший урожай повторяется, крестьяне предпочитают придержать зерно для собственного потребления, поскольку ничто не понуждает их продавать свою продукцию. Поскольку на рынок выбрасывается меньше зерна, несмотря на хороший урожай, цены остаются высокими (Danielson (1902: 173 и 243).

В данном случае теоретические выводы автора даже важнее его анализа. Даниельсон доказывает, что крестьянское

хозяйство не подчиняется логике капиталистической рациональности. Крестьянин продает зерно более активно именно тогда, когда цены ниже всего и отказывается его продавать, когда цены высоки. Иными словами, его действия прямо противоположны требованиям рынка. Отсюда следует принципиальный вывод: «Нормы потребления совершенно иные, если сами потребители являются работниками, трудящимися на собственной земле, а не участниками капиталистического производства. (.....) Конечно существует потребность в продовольствии, одежде и т.д., но люди могут просто не иметь денег на покупки. У них есть лишь собственная рабочая сила, которую тоже невозможно продать. Иное дело, если непосредственный производитель сам владеет орудиями производства. Удовлетворение его потребностей в данном случае зависит от его собственного труда, а не от того, есть у него деньги или нет. Чем продуктивнее его труд, чем он интенсивнее (.....) тем в большей мере он способен удовлетворить свои потребности. В данном случае невозможно говорить о перепроизводстве или о нехватке рабочих мест. Всё дело в том, что продукция производится не в товарной форме, она не имеет меновой стоимости» (Danielson (1902): 246-247).

В очередной раз Даниелсон повторяет свою мысль, что крестьянская логика не совпадает с рыночной рациональностью. В данном случае он отвергает категории классической политэкономии, поскольку на сей раз работник может контролировать и интенсивность своего труда и его результат, он сам является в одном лице и потребителем и производителем, он обслуживает собственные потребности.

Теория крестьянской экономики получила развитие много лет спустя в работах Чаянова в 20-е годы нашего века, а в западных странах о ней не знали до конца 50-х годов. В текстах Даниельсона не нужно искать подробно разработанную теорию слаборазвитости или теорию крестьянской экономики, но очевидно, что мысль его развивалась в этом направлении. Значение его труда в том, что он пытался дать марксистскую интерпретацию явлениям, от которых «официальный» марксизм того времени предпочитал просто отмахиваться.

Пути истории

Размышления Даниельсона над процессами, происходящими в России привели его к собственному пониманию исторической закономерности. В данном случае также его взгляды формировались под влиянием Маркса «Капитала». Даниельсон категорически отвергает мысль об однолинейности истории. Соответственно он посвящает специальное приложение в своей книге защите Маркса от Михайловского, который утверждал, будто по Марксу все нации

обязаны пройти капиталистическую фазу развития (Danielsyn (1902): 506).

В связи с этим необходимо вспомнить дискуссию, возникшую в переписке Энгельса и Даниельсона.

В 1891 году Даниельсон описывает Энгельсу трагическую ситуацию, в которой оказалось население России. Одновременно он пессимистически оценивает будущее русского капитализма, если учесть «особенность нашего положения» (МЭРР;593). В марте 1892 Энгельс послал ответное письмо, где выразил резкое несогласие со своим корреспондентом: «мне кажется, что пройдут годы, прежде чем удастся преодолеть нынешнее состояние дел, но в итоге Россия станет совершенно другой страной (.....) Пока же нам остается утешать себя тем, что в конечном счете все происходящее идет на благо прогрессу человечества.» (МЭРР; 600).

Высказывания Энгельса возмутили Даниельсона, который в ответном письме снова напомнил о страданиях народа в России. «Не могу понять каким образом всё это может в конечном счете служить прогрессу человечества: пока солнце взойдет, роса очи выест».

Тон дискуссии сменился. Энгельс оправдывался, говоря, что про «прогресс человечества» написал иронически, но тут же добавил, что «в самом деле нет ни одного факта в истории, который не служил бы тем или иным путем делу прогресса человечества, но в конечном итоге это очень долгий и окольный путь» (МЭРР;610-611). Даниельсон в свою очередь ответил цитатой из Маркса, который считал, что Россия может «миновать» этап капитализма, а также сослался на «Анти-Дюринг», где сам Энгельс утверждал, что, раз общественные силы познаны, раз понято их действие, направление и влияние, «то только от нас самих зависит подчинить их все более и более нашей воле» (МЭРР;627 и 629).

В итоге Энгельс закрыл дискуссию и в ноябре 1894 году попросил Даниельсона «не настаивать на Вашем желании приводить мои высказывания или, по крайней мере приводить их как мои» в полемике со Струве. «Если Вы найдете в моих письмах какие-нибудь факты, которые могут быть Вам полезны... то вполне можете воспользоваться ими, - писал Энгельс. - Но что касается моих высказываний, то боюсь, Ваши оппоненты - если не сам г-н Струве, то русская печать вообще, пожалуй, используют их неподобающим образом» (МЭРР;712-713).

Спор Энгельса с Даниельсоном особенно важен в контексте дальнейшего развития марксистской мысли. Невозможно не вспомнить о многочисленных случаях замалчивания и даже сокрытия некоторых текстов Маркса, которые, подобно знаменитому письму Маркса Вере Засулич,

противоречили позитивистскому видению прогресса, которое было типично как для теоретиков «Второго Интернационала», так и для «официальных» советских идеологов. Потребовались огромные усилия, чтобы марксистская мысль смогла освободиться от этой позитивистской интерпретации.

Политическая программа

Наименее ясным элементом в трудах Даниельсона является его политическая программа. До сих пор не ясно, в какой мере это вызвано проблемами с цензурой, а в какой - идейными проблемами самого автора.

В 1880 году Даниельсон утверждал, что выход из кризиса состоит в переориентации с обслуживания «капиталистической» сферы обращения на повышение производительности труда работников использующих собственные средства производства, как и было установлено первоначально указом об освобождении крестьян (Danielson (1902(: 89). Часть текста, написанная в 1893 году, содержит многочисленные уточнения. Повышение труда в сельском хозяйстве поможет России преодолеть пропасть, отделяющую её от передовых стран, но не избавит от разрыва между развитием промышленности и сельского хозяйства.

Не изменит ситуацию даже передача всех земель в руки крестьян (Danielson (1902(: 295-296). Чего следует избегать, так это отделения обрабатывающей промышленности от аграрного производства и превращения последнего в капиталистическую индустрию.

Как интерпретировать эту программу, это «народное производство», о котором говорит Даниельсон? Традиционно это давало основание относить нашего автора к лагерю народников, поскольку здесь видели идеализацию крестьянской общины. На самом деле многие места у Даниельсона противоречат такой интерпретации.

Так, вместо того, чтобы осуждать Россию за то, что она стала имитировать развитие США и Англии, без учета собственной специфики, Даниельсон утверждает, что надо перенимать не западный способ производства, а западную организацию труда, развитую кооперацию, разделение и комбинирование труда, механизацию и т.д. (Danielson (1902(: 463-464). Выход из кризиса - «не на почве мелких разрозненных единиц», а в том, чтобы объединить промышленность и сельское хозяйство в руках непосредственных производителей, создать «крупное общественное обмирщенное производство» (Даниельсон 1893; 346).

Россия не может удовлетвориться мелким производством. Община под давлением капитализма и порожденных им условий производства и обращения, отделения

обрабатывающей промышленности от земледелия, не в состоянии обеспечить своим членам средств существования. Поэтому при существующих условиях ей грозит неизбежная гибель. Но вместе с тем общинное землевладение есть одно из материальных условий производства, на котором может быть построено здание будущего общественного хозяйства» (Даниельсон 1893; 344). Таким образом, автор не согласен с теми, кто отстаивает общину такой, какая она есть, а лишь отмечает элементы, которые при благоприятном развитии событий могут способствовать становлению более передовой общественной организации. Это, как подчеркивает Даниельсон, было и мнением Маркса. И наконец, Даниельсон цитирует Энгельса, который признал возможность того, что Россия «перепрыгнет» капиталистическую фазу развития, используя общинные отношения в случае, если это совпадет с революцией на Западе (Danielson (1902(: 496).

Цитируемые высказывания явно не совпадают с привычным образом «народничества» и во всяком случае близки к взглядам самого Маркса. Но в завершение нашего обзора необходимо вернуться к политико-стратегическим выводам Даниельсона относительно будущего России.

Ричард Пайпс несколько раз повторял, что «Даниельсон, очевидно, надеялся, что предлагаемая им программа будет воспринята имперскими властями», хотя сам Пайпс признает, что это нигде не говорится в открытую (Pipes 1970: 83). На самом деле в трудах Даниельсона не только нет ни слова об этом, но нет и мест, которые могли бы навести читателя на подобную мысль. Зато есть места, которые позволяют избежать всякой двусмысленности. Так в конце своей книги Даниельсон спрашивает какие классы, какие социальные силы заинтересованы в переменах. Отвечая на этот вопрос, Даниельсон обращается к собственным исследованиям. Заинтересованы те, кто по законам классической политэкономии не допущены на праздник жизни. (Danielson (1902(: 487).

В последние годы, говорит Даниельсон, формируется класс менее связанный с традициями и рутиной прошлого, узкой общинной жизнью. Этот класс постепенно все больше осознает свое место в общественной жизни, свои интересы, начинает объединяться и организовываться, одновременно проявляя солидарность с трудящимися деревни эксплуатируемыми коммерческим капиталом (Danielson (1902(: 488). В конечном счете всё русское общество может разделиться на два класса. С одной стороны, носителей индивидуалистических тенденций, связанных с современной экономикой, но неспособных сыграть роль подобную той, которую они играют в Западной Европе и США. И с другой стороны, тех чьи условия жизни день за днем убеждают в том, что нет иного пути кроме развития производительных сил на благо всего общества.

Этот второй класс представляет всё общество, поскольку его интересы совпадают с интересами общества в целом (Danielson (1902(: 489). Чтобы не оставалось никаких сомнений в том, что речь идет о рабочем классе, Даниельсон добавляет: «точка зрения «народников»... совершенно ошибочна и несовместима с фактами. Они утверждают, будто только общинная крестьянская жизнь может выработать у массы населения качества необходимые для самостоятельной деятельности, и что рабочее движение в Западной Европе не может выработать эти качества, поскольку сами рабочие подчинены внешней воле предпринимателя, являются пушечным мясом индустрии, которых демагоги легко могут превратить в пушечное мясо политики. Нужно ли говорить, что такой взгляд на вещи лишен научного основания?» (Danielson (1902(: 497).

В данном случае Даниельсон прямо полемизирует с народником Воронцовым и прямо противопоставляет себя народникам, подчеркивая ключевую роль рабочего класса. Промышленное производство повышает интеллектуальный уровень рабочих, помогает им ориентироваться в мире и вырабатывает способность к самостоятельной инициативе. Это поможет им вместе с другими классами осуществить масштабное преобразование, создать новую форму производства основанную на общественной собственности самих производителей и подчиненную интересам всего общества. Таким образом, когда капиталистическое развитие достигает определенного уровня, общество переходит находит новый путь и произойдет это благодаря выступлениям трудящихся классов (Danielson (1902(: 498). Всё это подтверждает: критикуя нео-славянофилов, Даниельсон отождествляет свои позиции с программой «рабочей партии» в Западной Европе и «народной партии» в Соединенных Штатах (Danielson (1902(: 387 и 341-342).

Выводы

Разделение между марксизмом и «народничеством» было важнейшим актом политической символики. В работе «От какого наследства мы отказываемся» Ленин изложил собственную генеалогию революционного движения в России. Чернышевского он готов был признать в качестве политического предшественника, а революционеров более близких по духу к марксизму и более близких по времени - нет. Это были уже соперники. Им предстояло остаться в истории «народниками». Таким образом была проведена разделительная линия, соответствующая политическим предпочтениям одного из лидеров революции. Марксизм стал политическим капиталом, который не собирались ни с кем делить. Более того, началась

борьба за право на монопольное обладание марксизмом, что гарантировало право на «научность» собственной социалистической программы.

В этой борьбе Даниельсон был опасным противником не потому, что был хорошим публицистом или участвовал в революционном движении. Опасность состояла в том, что его право называться марксистом подтверждалось его переводом «Капитала» и перепиской с Марксом (чего никто отрицать не мог).

Немногие историки готовы признать, что разрыв между марксизмом и народничеством был не так велик, как принято думать (см. Shanin, 1983). Большинство других продолжают воспроизводить большевистскую схему. Идеологические мотивы авторов могут быть совершенно иными: просто люди склонны переосмысливать события задним числом в духе телеологии - в прошлом видят только подготовку уже свершившегося «будущего» и ничего более.

Между тем сам Даниельсон считал себя марксистом и его современники в этом с ним соглашались (по крайней мере до конца 1880-х); его идеи вполне вписываются в марксистскую традицию.

В 1887 году Даниельсон жаловался, что Маркс, будучи популярен в России, недостаточно хорошо здесь понят, а зачастую и искажен, а потому нужно, чтобы как можно больше людей освоили настоящий марксизм (МЭРР:538); спустя еще некоторое время он уже был вынужден в 1895 году на страницах «Русского богатства» отвечать Струве, который записал нашего автора в «народники». С легкой руки Струве он и вошел в список «народников».

Возвращаясь к вопросу заголовка, «был ли Плеханов отцом русского марксизма, можно сказать, что Даниельсон забыт несправедливо. Можно ли игнорировать тексты Даниельсона, утверждая, что до Плеханова, написавшего первые марксистские статьи в 1883 году, никто марксистского анализа русской действительности не дал? (Вагон (1963(: 96)?

Вопрос таит последнюю трудность, благодаря которой мы могли в ответить утвердительно на оба вопроса. Потому что Плеханов, в действительности, может продолжаться считаться «отцом русского марксизма», но только в той степени в какой он был отцом социал-демократической версии марксизма, того марксизма, который позднее был канонизирован и монополизирован коммунистической партией.

Если же говорить о том, кто был первым, то приоритет, безусловно за Даниельсоном. Он не только познакомил Россию с марксизмом до Плеханова, но и сделал это гораздо более творчески, предложив свое, куда более богатое и плодотворное понимание марксистской теории. Может быть именно поэтому он и был предан забвению.

Библиография:

1. Большая советская энциклопедия. 1-е изд. Т. 22. С. 139-141. 2-е изд. Т. 13. С. 52. 3-е изд. Т. 7. С. 72.
2. Грин Ц.И. Переводчик и издатель «Капитала». Очерк жизни и деятельности Николая Францевича Даниельсона. М., Книга, 1985.
3. Даниельсон Н.Ф. Очерки нашего пореформенного хозяйства. Спб., 1993.
4. Карл Маркс, Фридрих Энгельс и революционная Россия. М., Политиздат, 1967.
5. Рязанов В.Т. Экономическое развитие России. XIX - XX вв. Спб., Наука, 1998. С.184-200 (Народнический вариант некапиталистической трансформации национальной экономики России: В.П.Воронцов и Н.Ф.Даниельсон).
6. Советская историческая энциклопедия. Т. С.
7. Экономическая энциклопедия. Политическая экономия. Т. 1. М., 1972. С.365.
8. ARICY, Jose (ed.) 1981: K. Marx, N. Danielson, F. Engels. Correspondencia 1868-1895, Mexico, Siglo XXI, 1981.
9. BARON, Samuel H. (1963): Plejanov, el padre del marxismo ruso, Madrid, Siglo XXI, 1976.
10. BELFER, E. 1978: «Zemlia Vs. Volia - from Narodnichestvo to Marxism» en Soviet Studies, vol.XXX, Ne 3, july 1978.
11. BERLIN, Isaiah (1978): Pensadores Rusos, Mexico, Fondo de Cultura Economica, 1992.
12. COLE, G.D.H. 1959: Historia del Pensamiento Socialista, T.III, Mexico, Fondo de Cultura Econymica, 1959.
13. DANIELSON, Nikolai Frantsevich. Histoire du developpement economique de la Russie depuis l'affranchissement des serfs, Paris, Giard & Briere, 1902.
14. DROZ, Jacques (ed.) (1974): Historia General del Socialismo, vol.II, Barcelona, Destino, 1979.
15. FLORINSKY, Michael T. (ed.) 1961: McGraw-Hill Encyclopeda of Russia and the Soviet Union, New York-Toronto-London, McGraw-Hill, 1961.
16. GERSCHENKRON, Alexander (1962): El atraso economico en su perspectiva historica, Barcelona, Ariel, 1968.
17. HAIMSON, Leopold 1955: The russian marxists and the origins of bolshevism, Cambridge (Mass.), Harvard University Press, 1955.
18. KEEP, J.L.H. 1963: The rise of Social Democracy in Russia, Oxford, Clarendon Press, 1963.
19. LENIN, Vladimir Ilich [1899]: El desarrollo del capitalismo en Rusia, Buenos Aires, Ediciones Estudio, 1973.
20. LUXEMBURGO, Rosa [1912]: La acumulacion del capital, Buenos Aires, Ed. Tilcara, 1963.
21. NAIMARK, Norman 1983: Terrorists and Social Democrats: the russian revolutionary movement under Alexander III, Cambridge (Mass.) & London, Harvard University Press, 1983.
22. OFFORD, Derek 1986: The russian revolutionary movement in the 1880's, Cambridge, Cambridge University Press, 1986.

23. PIPES, Richard 1964: «Narodnichestvo: a semantic inquiry» en Slavic Review, vol. XXIII, Ne 3, sept. 1964.
24. ROSDOLSKY, Roman 1978: Genesis y Estructura de El Capital de Marx, Mexico, Siglo XXI, 1978.
25. RUBEL, Maximilien 1950: «La Russie dans l'oeuvre de Marx et d'Engels. Leur correspondance avec Danielson» en La Revue Socialiste, Ne 36, NS, avril-1950.
26. SHANIN, Teodor (ed.) (1983): El Marx tardio y la via rusa, Madrid, Editorial Revolucion, 1990.
27. TREADGOLD, Donald 1955: Lenin and his rivals; the struggle for Russia's future 1898-1906, London, 1955.
28. VENTURI, Franco (1952): El populismo ruso, Madrid, Alianza, 1981.
29. WALICKI, Andrzej (1969): Populismo y Marxismo en Rusia, Barcelona, Ed. Estela, 1971.